

Где наши истоки? (К вопросу об аномальной области на шельфе Баренцева моря в последний ледниковый период)

Е. В. Максимов

Почитатели творчества Ильи Глазунова помнят, что на его картине «Вечная Россия» в левом верхнем углу нарисованы ледяные горы. В пояснении к картине сказано: Хараити — священная гора древних ариев. По смыслу картины именно там и находились наши истоки. Однако в наше время мало кто знает, какое отношение к нам имеют и древние арии и гора Хараити. Поэтому, прежде чем обращаться к интересующему нас вопросу, необходимо дать справку об ариях.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [1890. Т. 3] сказано, что арийцы — общепринятое название для лингвистической группы народов, населяющей, с весьма значительными исключениями, почти всю Западную Азию и Европу и частично переселившейся на другие материки. Близкое и идущее от глубокой древности родство отдельных ветвей и членов этого большого племени сказывается уже в сходстве физического типа и во многих чертах характера, особенно ярко выступающих в интеллектуальном, нравственном и религиозном творчестве отдельных народов, равно как и в их истории. Сравнительное изучение санскритского языка с другими европейскими языками — латинским, греческим, славянскими и кельтскими — навело ученых на мысль, что большая часть европейских языков происходила от одного, общего, первобытного арийского языка. Этот язык иногда называют индоевропейским или индоевропейским [Там же].

В наше время к арийским, или индоевропейским, языкам относят индийские, иранские, романские, славянские, германские и некоторые другие языки. Среди народов древности на индоевропейских языках говорили скифы и кельты. Немецкие расисты исказили истину. Они арийцами считали себя. В действительности у славян прав называться арийцами несколько не меньше, чем у германцев.

Общность языка подразумевает, что в глубокой древности все арийские народы составляли один народ и жили на одной территории. В дальнейшем по невыясненным причинам они покинули свою родину, разошлись в разные стороны и в значительной мере утратили свое первоначальное единство. Уже более 100 лет ведется спор о том, где находилась эта первоначальная родина. Называют и Восточную Европу, и Среднюю Азию, и Скандинавию и другие места. Казалось бы, все возможные варианты в этом споре уже исчерпаны и проблема так навсегда и останется нерешенной. Ниже мы попытаемся показать, что положение совсем не такое безнадежное и есть совершенно неожиданные аспекты интересующей нас проблемы.

В 1974 г. была опубликована книга Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского «От Скифии до Индии», в которой в доступной форме рассматриваются загадки древних ариев. Как пишет в послесловии к ней академик А. П. Окладников: «К этой теме нас возвращает интересная, талантливо написанная, небольшая, но емкая по содержанию книга Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского — авторов, хорошо известных своими крупными трудами по ранней истории Индии и индоиранских народов, по древнейшей истории Ирана» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 121].

Широко известно, что в древней индоиранской традиции («Махабхарата», «Рамаяна», «Веды», «Авеста» и др.) присутствует так называемый арктический цикл, в котором описываются явления, характерные для арктических областей и совершенно необычные для районов Южной и Юго-Западной Азии. Крайне интересно, что античные авторы, в той или иной мере знакомые со скифским миром, также упоминают арктические явления, подобные тем, которые известны в индоиранской традиции.

Арктический цикл достаточно обширен. В нем упоминается и о неподвижной Полярной звезде, расположенной в центре мироздания, и о долгой ночи, тянущейся шесть месяцев, и о дне, также длящемся целое полугодие, и о «плененных водах», и о многом другом. Этот арктический цикл древних сочинений навел индийского ученого Б. Тилака на мысль о том, что родина древних индийцев располагалась на крайнем севере. Опубликованная им в 1903 г. книга так и называлась — «Арктическая родина в Ведах». По его мнению, «в доледниковый и межледниковый периоды климат арктических районов был теплым и доступным для растительного и животного мира, для человека и развития его цивилизации» (цит. по: [Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 8].

Современные и географическая и историческая науки такое мнение считают абсурдным. В Арктике холодно сейчас (т. е. в современное межледниковое время), а во время ледниковий было еще холоднее. Недаром широко распространено мнение, что в ледниковые эпохи происходило циркумполярное замерзание всей Арктики. Кроме того, как пишут Д. и К. Имбри, «ледниковые покровы отступили и исчезли, ушли они из памяти людей. Не знаем, существует, ли эта странная вещь — память поколений, но если и существует, то она явно несовершенна, поскольку мир каменного века был вскоре забыт» [Имбри Д., Имбри К., 1988. С. 15]. Так ли это на самом деле, мы увидим ниже, а сейчас обратимся к анализу источников.

В арктическом цикле древнеарийской традиции есть несколько тесно связанных между собой, но в известной степени самостоятельных направлений. Это, во-первых, полярные явления; во-вторых, великие

северные горы; в-третьих, северный океан и, в-четвертых, загадочная теплая страна на севере. Рассмотрим эти направления подробнее, опираясь на книгу Г. М. Бонгарда-Левина и Э. А. Грантовского [1974].

Полярные явления. «Древние сказители пели о стране, где солнце встает только раз в году, где шесть месяцев день и шесть месяцев ночь» [С. 5], «...на Севере “Семеро Риши”, богиня Арунд-хати и Свати постоянно движутся вокруг укрепленной на небе Полярной звезды (Дхрува)» [С. 5].

«“Семеро Риши”» — семь больших звезд созвездия Большой Медведицы (“Риши” — мудрецы, святые мужи, божественные небожители); Арундхати — созвездие Кассиопеи; Свати — яркая звезда в созвездии Волопаса. Видеть их высоко над горизонтом можно только в северных широтах. В областях севернее 55–56° с. ш. зимой в течение одной ночи эти созвездия не заходят за горизонт и описывают круг, центром которого примерно можно считать Полярную звезду» [С. 5].

«Бируни приводит следующие слова Брахмагупты (начало VII в.) об области у Северного полюса: “День обитающих там ангелов будто бы длился шесть месяцев”» [С. 9]. «У богов день и ночь — год, разделенный на двое: там — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу» («Законы Ману», II в. до н. э. — I в. н. э.), «...по полугодиям встает златокудрое солнце» и «остановившиеся воды принимают образы красивых украшений» [С. 11]. В астрономическом трактате «Сурьясиддханта» говорится, что после восхода солнца оно видно на горе Меру целых полгода. Бхаскара-ачарья утверждал, что «на Меру полгода постоянный день, полгода постоянная ночь» [С. 33].

«Геродот пишет, что по сообщениям скифов и живущих за ними племен, далеко на севере обитают люди, “которые спят по шесть месяцев”» [С. 24]. «В античной литературе... говорилось о стране, расположенной к северу от Скифии, за областями, окутанными густым мраком, подверженными действию страшного холода и ледяному веянию северного ветра, стране, где день продолжается полгода, по утрам жители сеют, в полдень жнут, а вечером собирают плоды деревьев» [С. 25].

Помпоний Мела писал: «Там солнце восходит и заходит не ежедневно, как у нас, но, взойдя впервые во время весеннего равноденствия, заходит только во время осеннего. Таким образом, шесть месяцев продолжается день и столько же месяцев непрерывная ночь» [С. 25]. О том же самом пишет Плиний: «Здесь полгода бывает светло... однажды в год, во время летнего солнцестояния, встает у них солнце и однажды во время зимнего солнцестояния заходит» [С. 25]. Им вторит Солин: «Полагают, что там находятся мировые оси и крайние пути созвездий, шестимесячный свет и заходящее только на один день солнце; хотя некоторые думают, что там солнце восходит и заходит не ежедневно, как у нас, но в весеннее равноденствие восходит, а в осеннее заходит; таким образом, в течение шести месяцев продолжается бесконечный день, а в другие шесть постоянная ночь» [С. 75].

В приведенных отрывках, несомненно, речь идет о крайнем севере, возможно даже о Северном полюсе. Конечно, по ним нельзя определенно судить о том жили ли там в древности индоевропейцы или получили сведения от каких-либо иных народов, знакомых с природными явлениями, присущими крайнему северу.

Великие северные горы. Обратимся опять к книге Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского. «Более ранние тексты (имеются в виду пураны. — *Е. М.*) располагали хребет Меру на всем севере земли с запада на восток, в далекой зоне холода. Именно в этой стране, где сияют вершины Меру, замерзшие воды “принимают красивые образы”» [С. 33]. «Древние сказители называли Меру “неизмеримо высокой, невиданной нигде в мире”». Своими вершинами она упирается в небо» [С. 35], «...математик и астроном Брахмагупта передавал мнение о том, что Меру “находится под полюсом, и звезды вращаются у ее подножия, так что восход и заход зависит от нее, благодаря своей мощи она может скрывать и открывать земле солнце и луну”» [С. 36].

«До самого неба возвышается Хара; вокруг ее вершин совершают движение солнце, луна и звезды» [С. 46, ссылка на «Авесту»]. «В зороастрийской традиции сохранился рассказ о том, как при создании мира возникла и поднималась великая Хара — она росла на протяжении 800 лет...» [С. 47]. «Древние иранцы считали, что эти горы (т. е. горы Хара. — *Е. М.*) находились на севере и протянулись по всей земле с востока на запад» [С. 55], «некогда у иранцев бытовало представление о недоступности великих северных гор и о снежной преграде на подступах к ним» [С. 55], «...от высочайших гор Хара идут облака снега, несущие зло и гибель людям и всему живому. В этой же стране, как повествует другой текст “Авесты”, господствует зима, там десять зимних месяцев и лишь два летних, но также “холодных для воды, холодных для земли, холодных для растений”» [С. 55].

А теперь сведения, поступившие из Скифии. «Далее к северу (за Скифией. — *Е. М.*) лежала “земля каменистая и неровная”» [С. 26, ссылка на Геродота]. «Реки, текущие в золотых руслах, которое стерегут грифы, связывались в таких рассказах с высочайшими горами — Рипейскими, как их называли многие античные авторы. На этих горах в пещере находилось жилище сурового Северного ветра, а еще дальше, за горами, помещали море, или океан, и “славившийся баснословными чудесами народ, называемый греками гиперборейцами”» [С. 27]. «Выше скифов живут исседоны, еще выше этих — аримаспы, за аримаспами (находятся) Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег» [С. 29, ссылка на сочинения Дамаста «О народах»]; «...Территория Скифии ограничивается с юга Понтом Эвксинским, а с севера — Рипейскими горами» [С. 29, ссылка на историка Помпея Трога]. «Под самым севером выше крайних пределов Скифии находятся Рипы» [С. 29, ссылка на сочинение Аристотеля «Метеорологика»]. «Области у Рипейских гор, пишет Плиний, “обездолены природой и окутаны мглой, служат лишь образованию льда и холодным обиталищем Северного ветра”. Эту страну Плиний и ряд других авторов называют “Пероносной”, так как в ней “постоянно падает похожий на перья снег”» [С. 30]. «В той стране далеко за Скифией у Рипейских гор, по описанию античных авторов, царит мрак и темнота. “Самой природой погруженная в вечную тьму и совершенно оцепеневшая от самых вместилищ Аквилона единственная земля,— писал Солин,— которая не знает смены времен года и ничего другого не получает от неба, кроме постоянной зимы”» [С. 30]. «Обнаруживается, однако, и стойкая традиция о том,

что Рипы тянулись на всем пространстве к северу от скифского мира. По мнению ряда античных авторов Рипейские горы занимали весь север Европы. Так, например, они изображались на одной из первых карт земли, составленной в VI в. до н. э. Гекатеем Милетским. Аристотель, не доверяя рассказам о баснословной “величине” Рип, тем не менее не сомневался в их существовании и полагал, что с них текут очень многие, и притом самые огромные, из других рек после Истра. Истр — это Дунай, под другими же реками Европы здесь имеются в виду великие реки Скифии — Днепр, Дон и др. Подобные представления Аристотеля отражают стойкую древнюю традицию о связи этих рек с горами на далеком севере» [С. 31]. «Золотые пики Рипейских гор столь велики, что достигают неба, за ними скрывается и из-за них появляется солнце» [С. 31], «...области у склонов этих гор покрыты снегом, здесь суровый леденящий холод, сюда нельзя проникнуть человеку...» [С. 32]. «Помпоний Мела сообщает о том, что на подступах к Рипейским горам “постоянно падающие снега делают эти местности до такой степени непроходимыми, что далее нельзя даже видеть, как не напрягай зрение”» [С. 43]. «Геродот, ссылаясь на рассказы скифов и аргиппеев, сообщает, что к северу от последних находятся “высокие недоступные горы, через которые никто не проходит”; Геродот помещает их в широтном направлении» [С. 57–58]. «В античных сообщениях о заскифских областях, рассказывается о Борее, который дует с Рипейских гор, принося леденящий холод...» [С. 59], «...скифы считали, что реки их страны берут начало с Рипейских гор» [С. 116].

Далее Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский проводят параллели между скифской (античной), древнеиндийской и древнеиранской традициями. «И Рипейские горы, и Меру помещались на далеком севере, они протянулись по северной окраине мира. И те, и другие достигают небес: вокруг их вершин вращаются светила. Подобно вершинам Меру сияют золотом Рипейские горы. С Рипейских гор, как и с Меру, текут реки в золотых руслах; с этих гор берут начало и великие земные реки» [С. 36]. «С Хары, как и с Меру (и с Рипейских гор), берут начало земные реки» [С. 48]. Хребты Хара и Меру, представлениями иранцев и индийцев, протянулись по всей земле с запада на восток (то же рассказывали и о великих горах к северу от Скифии) [С. 48]. «И позднее, в послескифскую эпоху, было распространено мнение, что великие реки, протекающие через степи Юго-Восточной Европы, несут свои воды с больших гор. Еще в средние века западноевропейские географы и картографы полагали, что в северной части Восточной Европы находится протянувшийся в широтном направлении горный хребет, откуда берут начало большие реки, впадающие в Черное и Каспийское моря» [С. 117]. «...На его карте (Птоломея. — *Е. М.*) к северу от территории сарматских племен в широтном направлении помещены большие горные цепи, а на них — истоки Борисфена (Днепра), Танаиса (Дона), Ра (Волги) и др. В отличие от своих предшественников Птоломей уже знал о главном притоке Волги Каме и месте их слияния, но истоки обеих рек он вел с больших северных гор. Еще более примечательно само название современной Волги у Птоломея — “Ра”, связанное, как установлено учеными, с древнеиранским Раха. Согласно авестийской традиции, полумифическая река Раха течет с великих гор Хара. Следовательно, приведенные сведения Птоломея были основаны на данных, полученных от ираноязычных племен Юго-Восточной Европы» [С. 117].

Пусть читатели простят автора за столь неумеренное цитирование книги Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского. Это не просто прихоть. Нам необходимо показать, что речь идет не о случайных наметках или предположениях древних источников, а о «постоянной и обязательной основе общеарийского “северного цикла” — великих горах, протянувшихся с востока на запад и расположенных к северу от территорий арийских племен» [С. 116], а также о том, что «...все великие земные реки текут со священных северных гор...» [С. 116].

Итак, речь идет о высочайших (до неба) недоступных для человека горах, протянувшихся в широтном направлении на севере Европы. С них текут великие реки — Волга, Кама, Днепр, Дон и др. С гор никогда не сходит снег. Оцепеневшие горы окутаны мглой, служат лишь образованию льда и не знают смены времен года. На подступах к горам постоянно падает снег. На этих горах находится жилище северного ветра (Борея), приносящего леденящий холод.

Все сказанное явно фантастично. Таких гор на севере Европы нет.

Северный океан. У Помпония Мела говорится, что по другую сторону Рипейских гор «лежит побережье, обращенное к северному океану» [С. 29]. «По ту сторону Рипейских гор, согласно античным авторам, находился великий Северный, или “Скифский”, океан, омывающий северные берега Европы. Иногда он назывался ледовым, замерзшим» [С. 31], «...по ту сторону Рипейских гор у их подножий — просторы великого океана» [С. 32].

«К северу от Меру простирается Северный океан, часто он называется Белым или Молочным» [С. 36]. «Индийские эпические сказания рассказывают о четырех океанах — Восточном, Южном, Западном и Северном. Из них первые три действительно были известны древним индийцам. Под ними они понимали Бенгальский залив, Индийский океан и Аравийское море. Представления же о четвертом — далеком Северном океане были туманными» [С. 38]. В «Махабхарате» один из героев Дурьодхана сообщает, что «...люди... не идут... к Северному океану, ибо никому он недоступен кроме птиц» [С. 38]. В «Махабхарате» говорится о том, что «на севере Молочного моря есть большой остров, известный под именем Шветадвипа (Белый остров). Он расположен к северу от Меру на тридцать две тысячи йоджан...» [С. 39]. Посреди древнеиранского моря Всурукаша — остров, где живут священные животные и растут удивительные растения [С. 53].

Согласно авестийской традиции «...у подножия Высокой Хара лежит огромное водное пространство — “море” “эрайа” по имени Воурукаша, т. е. “имеющее широкие заливы”. Оно... “могучее, прекрасных очертаний, глубокое, с далеко простирающимися водами”, волнуются его берега, и вздымаются Воурукаша от стремительно несущихся в него вод могучего потока Ардвиги, ниспадающих с великих золотых вершин Хары» [С. 53].

Подводя итог, можно совершенно определенно говорить о том, что древнеарийская (индийская, иранская, скифская) традиция помещает далеко на севере за Рипейскими-Меру-Хара горами обширное водное пространство — Великий, Северный, Скифский (иногда Белый или Молочный) океан или море.

Загадочная теплая страна на севере. Страна, которая хранит в себе загадку «полярных» представлений, находится на севере, между вершинами Рипейских гор и Северным океаном. Оказывается, она обладала теплым климатом, была свободна от холодных ветров и рождала обильные плоды. В рощах этой страны, где солнце всходит и заходит раз в год, обитал счастливый народ. Золотые пики Рипейских гор столь высоки, что достигают неба, за ними скрывается и из-за них появляется солнце, они касаются звезд и звезды вращаются вокруг них [С. 31].

В «Махабхарате» о той же стране сообщается следующее: «Здесь боги, асуры, киннары, гандхарвы, змеи», различные божественные существа, небесные нимфы. «Многочисленные хороводы апсар сюда слетались, всех обвевал благой ветерок, несущий всякие ароматы, приятный, чистый», «стаями дивных птиц Белая гора сияла. Там все сонмы богов и все божественные риши, как звуки музыки туч, как будущий океан, звучали» [С. 35].

В IV в. н. э. астроном и географ Варахамира писал, что «гора Меру построена из золотых плит... Между ними поднялись деревья в обильном цвету, усыпанные благоухающими соцветиями». В золотых руслах текут там реки, и озера с золотым дном блестят, как луна. Из этих водоемов берут начало священные потоки, самые чистые и прозрачные, ибо их воды несутся над чистойшим золотом. Здесь лучшая из рек «небесная Ганга» — «дочь Мандары», источник всех вод земли. Отсюда направили боги великие потоки в мир людей [С. 36].

«Высоко над злом возвышается страна “вечного счастья”. Здесь не холодно и не жарко. Покрытая рощами и лесами, земля производит обильные плоды, повсюду стада антилоп и стаи птиц, все благоухает ароматами цветов» [С. 39]. «Северный склон Меру, побережье Молочного моря — таков “адрес” этой страны в “Махабхарате” и ряде других произведений древнеиндийской литературы» [С. 39].

«Севернее Рипейских гор», «за этими горами до другого моря» (т. е. до Северного моря), «по ту сторону Северного ветра, на побережье, обращенном к океану», «на краю земли» помещали «счастливый народ» — гипербореев Аристий, Дамаст, Гелланик, Геродот, Помпоний Мела, Плиний и др. [С. 40]. «Страна “блаженных” лежит далеко на севере, но имеет благодатный климат, свободна от вредных холодных и знойных ветров. Пригреваемая летним солнцем, земля дарит обильные плоды. Ее жители обитают в лесах и рощах» [С. 40].

В зороастрийской «Книге о творении» («Бундахишн») говорится о ста тысячах золотых каналов, по которым воды поступают в озеро на вершине Хары [С. 48]. Легендарный царь древних иранцев, правивший на заре истории, Йима молил богов о том, чтобы не было в его царстве «ни холода, ни зноя», «ни жаркого ветра, ни холодного», «ни холода, ни жажды» [С. 54]. Перед смертью Йима создал прекрасную обитель, «огороженную» от остального мира. Находилась она недалеко от Высокой Хары и моря Воурукаша [С. 54–55]. Там «много собак и птиц и прекрасных пламенеющих огней», там текут чистые воды и произрастают золотистые луга. Там «...животные, самые большие и прекраснейшие, растения, самые высокие и благоухающие» [С. 55]. Именно в той стране, где Йима создал обитель блаженного народа, властвует «суровая зимняя стужа». «Эта страна — сердце зимы» [С. 55]. Но в той же суровой стране — священная обитель, где постоянно текут прекрасные воды, цветут вечнозеленые луга и благоухают высокие растения. И, наконец, в «блаженной» обители люди лишь раз в год видят «заходящее» и «восходящее» солнце [С. 55].

Мы рассмотрели четыре основных мотива древнеарийской традиции. Два из них — полярные явления и северный океан — звучат вполне реалистично. Два других — великие северные горы и блаженная обитель — на первый взгляд представляются фантастическими. Вместе с тем полярный мотив древнеарийской традиции столь очевиден, что просто отмахнуться от него нельзя. Очевидно, предки ариев каким-то образом получили информацию о полярных районах Земли. Так, А. Горбовский писал: «Следовательно, причина наступления холодов может быть связана с приближением точки, через которую проходит полюс, к месту первоначального обитания ариев» [1966. С. 80]. Это очень рискованная точка зрения. Она предполагает, что сравнительно недавно — в преистории — могло существенно меняться положение географических полюсов Земли. Такими данными современная наука не располагает. Остается вернуться к гипотезе В. Тилака о том, что родина древних индийцев находилась на крайнем севере.

Попытаемся распутать этот клубок и обратимся сначала к великим северным горам. О чем же в действительности идет речь? Что за странная фантазия о высочайших, недоступных для человека, заледенелых горах с золотыми пиками, широтно-вытянутых на севере Европы и дающих начало основным рекам Русской равнины? Ларчик открывается просто. Даже школьнику известно, что северная часть Европейской равнины в четвертичный период неоднократно подвергалась нашествию ледников. Ледниковый покров представляет собой гигантский караван с крутыми откосами и сложенной средней частью. На рис. 1 показаны границы распространения четырех ледниковых покровов Русской равнины. Для человека времен палеолита край ледникового покрова должен был представляться в виде высочайших гор, упирающихся в небо (точнее сливающихся с небом). Напомним в связи с этим, что ледниковые покровы очень быстро набирают высоту, достигая на расстоянии 100–200 км мощности в 1000–2000 м. В центральной части покров мог достигать мощности в 3000 м. Край покровного ледника мог быть достаточно расчлененным и казаться поэтому совершенно недоступным. Кто бывал на ледниках, знает, что под лучами солнца пики, укутанные снегом и фирном, отливают золотом. С ледникового покрова действительно брали начало крупнейшие реки Восточной Европы.

На рис. 1 (врезка) помещена упрощенная выкопировка части карты к «Географии» Птоломея, изданной в Риме в 1490 г. Уже говорилось о том, что на его карте к северу от территории сарматских племен показаны протянувшиеся в широтном направлении большие горные цепи. Эти горы Птоломеем именуется Гиперборейскими. Мы попытались совместить примерное положение этих гор с границами четырех ледниковых покровов] (см. рис. 1). Как видим, картина получилась достаточно определенная. Конечно, наивно было бы пытаться отождествлять Гиперборейские (Меру-Хара-Рипейские) горы с конкретной границей какого-либо из четырех ледниковых. Но достаточно отчетливо проступает принципиальное

совпадение местоположения этих гор с краевой зоной четвертичных оледенений Восточной Европы. Конечно, в древнеарийской традиции, скорее всего, подразумевался край последнего Валдайского ледникового покрова (хотя бы потому, что хронологически он был самым молодым).

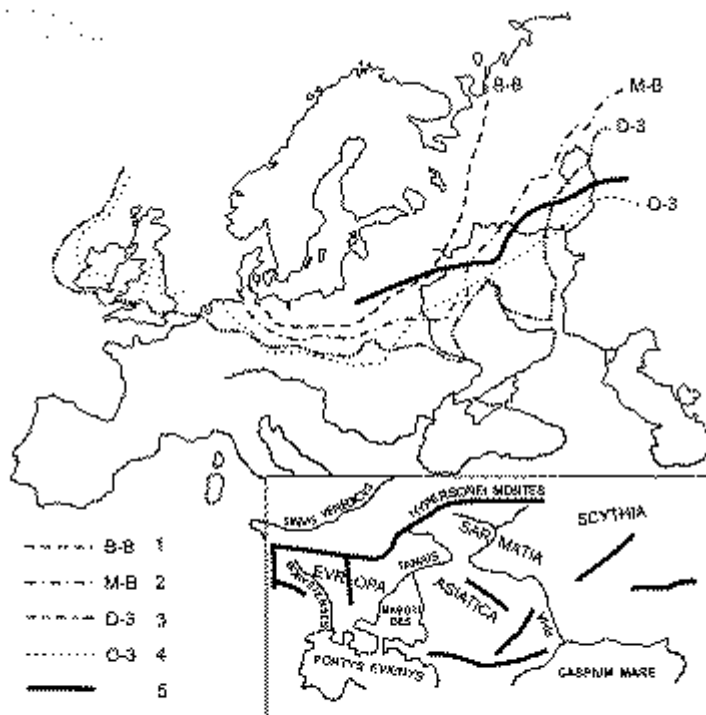

Рис. 1. Совмещение легендарных гиперборейских (Меру-Хара-Рипейских) гор с краевыми зонами четырех европейских покровных ледников (Ока-Эль-Стер, Днепр-Заале, Москва-Варта, Валдай-Висла). Примерное простираение Гиперборейских гор.
На врезке: часть карты к «Географии» Птолемея, изданной в Риме в 1490 г. (схематично)

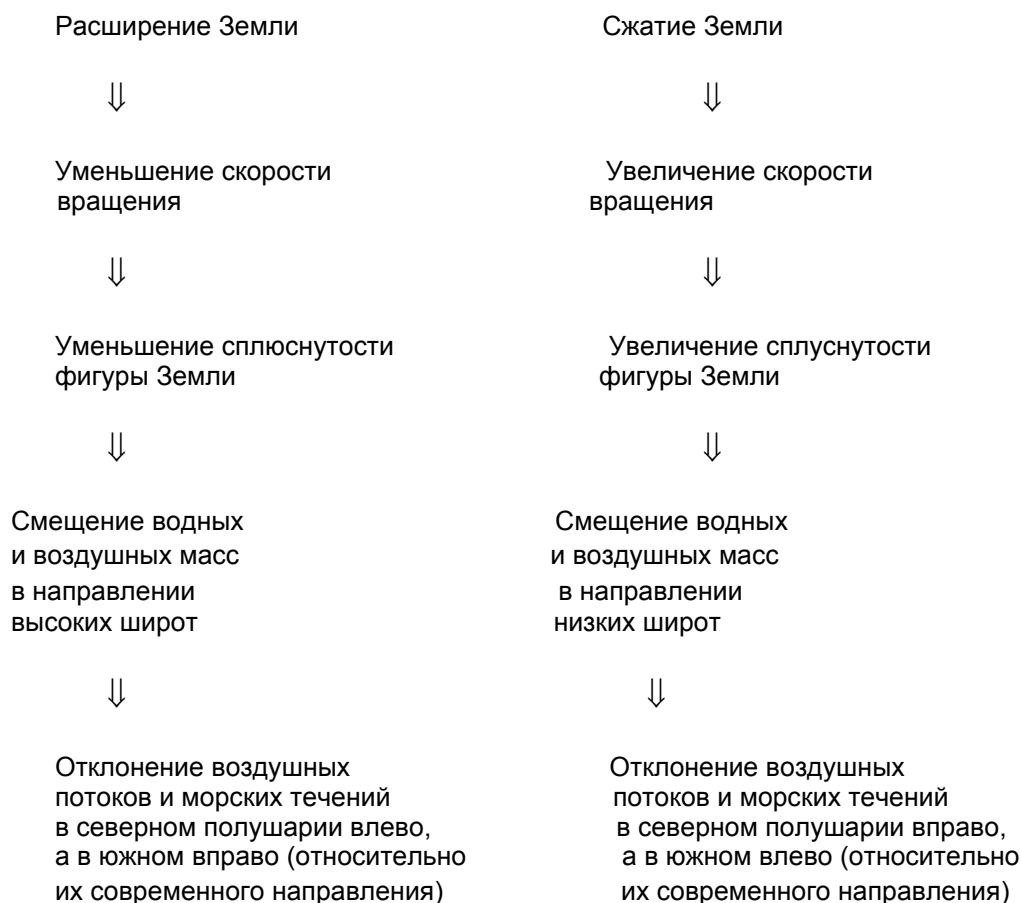
Теперь общая панорама, создаваемая древнеарийской традицией, приобретает четкие контуры. На севере Европы протянулись недоступные ледяные горы (т. е. ледяной покров), за ними находится океан (т. е. Ледовитый океан), природа приобретает там арктические черты. Поэтому трудно согласиться с Д. и К. Имбри в том, что «мир каменного века был вскоре забыт» [1988]. Память палеолита оказалась достаточно устойчивой, особенно если вспомнить, что Валдайский ледник достиг своего максимального развития 19000 лет назад.

Остался пока необъясненным последний мотив традиции — о блаженной стране. Он представляется наиболее фантастичным. Ведь действительно трудно допустить, чтобы к северу от Европейского ледяного щита в суровых условиях полностью замерзшей Арктики была теплая страна, покрытая пышной растительностью. Даже предположение подобного рода кажется чистейшим абсурдом. Чтобы попытаться разобраться с этим вопросом, необходимо сделать короткий экскурс в область палеогеографии четвертичного периода.

Всем хорошо известно, что во время четвертичного периода Земля неоднократно подвергалась экспансии ледников. Безусловно доказанными являются четыре ледниковые эпохи — Ока, Днепр, Москва и Валдай, разделенные межледниковыми эпохами. Мы живем во время современной межледниковой эпохи, наступившей после окончания Валдайского оледенения. Само Валдайское оледенение продолжалось примерно 16000–17000 лет. Началось несколько ранее 24000 лет назад, а окончательное исчезновение ледника относят к 7000–8000 лет назад. Сокращение ледника носило возвратно-поступательный стадийный характер. Всего насчитывается не менее 7 стадий сокращения ледника, во время которых происходило образование конечных морен, т. е. валообразных возвышенностей, насыпанных ледником у своего края. Последняя стадия получила наименование финской. Конечные морены этой стадии вытянуты вдоль северного побережья Финского залива. Откладывались они 10000–11000 лет назад. Это было последнее значительное наступление ледника, после которого ледниковый покров стал стремительно распадаться.

Палеогеографии четвертичного периода посвящены десятки тысяч работ. Но за 100–150 лет существования этой науки так и не удалось получить ясные ответы на коренные вопросы четвертичного периода: во-первых, какова его причинность и, во-вторых, какова его продолжительность. Достаточно сказать, что одни определяют последнюю в несколько сотен тысяч лет, а другие в несколько миллионов лет. Причины, вызвавшие в жизни четвертичное оледенение, видят и на земле и в космическом пространстве. Одна из точек зрения — та самая, которую разделяет сам автор, — связывает причинность ледниковых явлений на Земле с ритмами, проявляющимися прежде всего в пульсационных изменениях объема нашей планеты. При расширении климат Земли становится холоднее и суше, при сжатии — теплее и влажнее. Основным ритмом, регулирующим чередование ледниковых и межледниковых эпох внутри четвертичного периода, является 40700-летний ритм [Максимов, 1972]. На рис. 2 показана упрощенная модель этого ритма. Изменение температуры на Земле определяется пульсациями Солнца и, как следствие, изменением его светимости, пульсации Земли определяют ход увлажненности.

Пульсации Земли сопровождаются еще одним крайне интересным эффектом. Сжатие Земли вызывает ускорение ее вращения вокруг оси, расширение, наоборот, сопровождается замедлением вращения. Напомним читателю, что из-за суточного вращения Земля сплюснута у полюсов и более выпукла вдоль экватора. Мера сплюснутости планеты определяется скоростью вращения Земли вокруг своей оси. Напомним также, что из-за суточного вращения Земли любое тело, горизонтально движущееся в северном полушарии, отклоняется право, а в южном — влево. Мера этого отклонения также определяется скоростью вращения Земли, ее можно представить в виде следующей схемы.

В умеренных широтах громадную роль играет так называемый западный перенос воздушных масс. Он формируется следующим образом. Воздушные течения, идущие от субтропических максимумов к поясу пониженного давления умеренных широт, отклоняются в северном полушарии вправо, а в южном влево, что в общих случаях приводит к преобладанию западной составляющей. Особую роль западный перенос играет для Европы, где он выступает в качестве потока теплого и влажного океанического воздуха, направляющегося с запада на восток, т. е. со стороны Атлантического океана в сторону Европы. В зимнее время за счет большого перепада атмосферного давления он выражен сильнее, чем в летнее время.

Посмотрим снова на рис. 2. В 1 и 2 четвертях 40700-летнего ритма на Земле преобладают холодные условия. Значит, в это время западный перенос выражен значительно сильнее, чем теперь. Кроме того, и это самое главное, в 1 и 2 четвертях Земля испытывает расширение, скорость ее вращения будет уменьшаться, также будет уменьшаться отклоняющий эффект и западный перенос получит значительную северную составляющую, т. е. будет направлен не с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток. В результате поток влажного и теплого воздуха устремится не столько в сторону Скандинавии и прилегающих к ней районов Арктики. Иными словами, мы приходим к парадоксальному выводу: в холодную половину 40700-летнего ритма европейские арктические районы должны были не охлаждаться, а утепляться. Во всяком случае, арктические районы во время ледниковых эпох не должны были быть холоднее, чем в наше время. Это положение подтверждается новейшими исследованиями. Сейчас можно считать доказанным, что на протяжении последних 40000 лет (т. е. и во время последней ледниковой эпохи) органическая жизнь на островах, побережьях, на дне арктических морей не прекращалась [Данилов, 1983]. Таким образом, гипотеза циркумполярного замерзания Арктики, о которой говорилось в начале работы, оказалась явно несостоятельной. Однако все сказанное не может служить доказательством существования теплой страны (т. е. «блаженной родины ариев») в арктических районах.

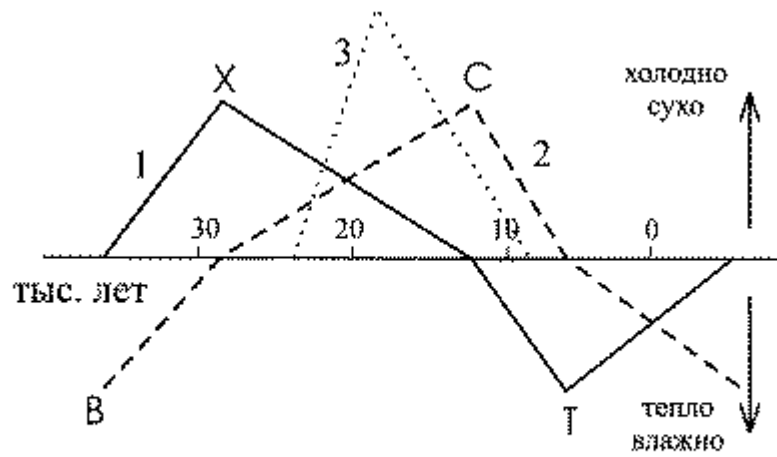

Рис. 2. Модель 40700-летнего ритма:
 1 — ход теплообеспеченности (температур воздуха); 2 — ход увлажненности (количества выпадающих осадков); 3 — время существования Валдайского покровного ледника

Возникновение такой страны (если, конечно, она вообще существовала), очевидно, связано с какими-то совершенно исключительными обстоятельствами. И вот такие обстоятельства как будто бы нашлись. Еще раз посмотрим на рис. 2. На нем хорошо видно, что во время расширенного состояния Земли возникал ледниковый покров. Значит, на пути западного переноса, повернувшегося в северо-восточную сторону, появлялся ледниковый щит мощностью в 2–3 км. (рис. 3). Теплый и влажный морской воздух, поднимаясь по склону ледникового щита, охлаждался и выделял громадное количество осадков. Перевалив через покров, он должен был попасть в Баренцевоморский сектор Арктики. Как пишет С. В. Калесник: «Если воздушная масса поднялась на известную высоту, стала насыщенную, поднялась на некоторую дополнительную высоту после насыщения, а затем опустилась обратно к поверхности Земли, то, очевидно, что температура ее будет той, какую она имела в начале подъема» [Калесник, 1955. С. 73]. Поясним это положение некоторым приблизительным расчетом. Примем, что в годовом цикле западный перенос у поверхности Земли подходил к покровному леднику со средней температурой +3 °С. Пусть насыщение воздуха водяным паром происходило на высоте 500 м. Известно, что пока насыщение воздуха не достигнуто, его охлаждение равно 1° на 100 м. Значит, на высоте 500 м температура западного переноса опустится с +3 до -2 °С. После достижения насыщения градиент охлаждения уменьшится до величины 0,5° на 100 м. Тогда при высоте покрова в 2000–3000 м охлаждение воздуха при подъеме от 500 м и до верха покрова должно было составить 7,5–12,5 °С, т. е. температура воздуха суммарно должна была понизиться до -9,5...-14,5 °С. Известно также, что нагревание опускающегося воздуха составляет 1° на 100м. Спускаясь с высот 2000–3000 м к уровню моря, он должен нагреться на 20–30°. В этом случае на побережье Баренцева моря среднегодовые температуры воздуха могли составлять +10,5...+15,5 °С. Такая годовая температура в наше время наблюдается на 40–45° с. ш., т. е. к примеру в южных районах Европы.

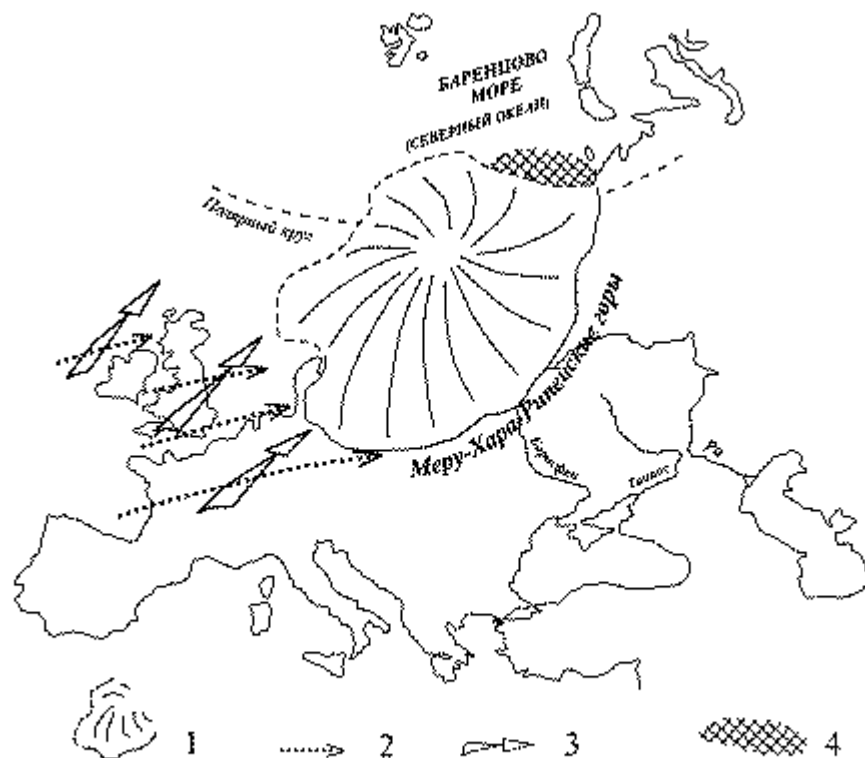

Рис. 3. Положение «блаженной» родины ариев:
 1 — Валдайский ледниковый покров; 2 — современное направление западного переноса; 3 — примерное направление западного переноса во время ледниковых эпох; 4 — теплая страна.

Приведенный расчет, конечно, носит очень приближенный характер. Возможно, величины были несколько иными. Но важно другое — это то, что во время существования ледникового периода в субарктических районах Европы действительно могла существовать теплая или умеренно теплая страна.

У читателя естественно может возникнуть вопрос: «Возможно ли такое?» Со всей определенностью надо сказать, что существование такой страны доказанным считать нельзя. В нашем распоряжении, помимо чисто теоретических построений, имеется только один факт, говорящий в пользу реальности этой страны. Для того чтобы его понять, снова придется обратиться к чисто научному материалу. Известно, что пыльца и споры растений могут длительное время, исчисляемое сотнями, тысячами и даже миллионами лет, сохраняться в земле. На этом их свойстве основан так называемый спорово-пыльцевой или палеонтологический, метод изучения рыхлых отложений. Суть его заключается в том, что в отобранных из грунта образцах лабораторным путем определяется содержание пыльцы и спор тех или иных растений. Представим себе, что где-нибудь в условиях Северо-Запада РСФСР из некоторого шурфа или обнажения послонно были отобраны образцы. Верхний из них отражает современные условия — в нем много пыльцы ели, сосны, березы и других привычных нам растений. В образцах, отобранных на некоторой глубине, в значительном количестве обнаружена пыльца широколиственных пород — дуба, клена, вяза, липы и др. Это значит, что в то время, когда были отложены слои, из которых отбирались образцы, было существенно теплее, чем теперь, и произрастали не современные хвойно-мелколиственные таежные леса, а более теплолюбивые хвойно-широколиственные леса. Зная экологические условия существования тех или иных пород деревьев, можно с некоторым приближением судить о том, на сколько градусов тогда было теплее, чем теперь.

В спорово-пыльцевой лаборатории Санкт-Петербургского государственного университета анализировались образцы, отобранные из донных осадков южной части Баренцева моря — с Мурманского мелководья у западного побережья Кольского п-ова, вблизи п-ова Канин и в устье Печоры. Помимо обычных спорово-пыльцевых спектров, характерных для приледниковых районов и богатых пылью карликовой березы, ивы, маревых и полыни, обнаружены спектры с присутствием пыльцы пихты, сосны, лещины, вяза и спор теплолюбивого папоротника осмунда [Малясова, 1981]. Прежде всего хочется сказать: «Не может быть!» В Баренцевом море на 70° с. ш. обнаружена пыльца вяза, лещины и споры осмунды. При этом предполагается, что это межледниковые спектры. Такое предположение кажется нам мало убедительным. Современность — это тоже межледниковье. Берега моря покрыты тундрой. Значит, современное межледниковье в этом районе достаточно холодное. Биоклиматические условия всех межледниковий в известной степени близки между собой. Пусть даже одно из ранних межледниковий было несколько теплее современности. Все равно трудно себе представить, чтобы по берегам Баренцева моря росли широколиственные леса, да еще с таким явно теплолюбивым элементом, как папоротник осмунда. Поэтому нельзя полностью исключить того, что так называемые межледниковые спектры Е. С. Малясовой в действительности являются спектрами древней родины ариев.

Как же представить себе эту удивительную страну на крайнем Севере? Прежде всего где она конкретно находилась? Напомним, что во время ледниковых эпох уровень мирового океана опускался по меньшей мере на 100 м. Поэтому значительная часть шельфов, ныне затопленная водой, становится низменной сушей. Известно также, что, во всяком случае, последний Валдайский ледниковый покров сколько-нибудь

значительно на шельф Баренцева моря не распространялся. В связи с этим наиболее вероятным адресом» древнеарийской родины могла служить самая южная часть нынешнего шельфа Баренцева моря на участке между Кольским п-овом и о. Колгуевым (а может быть, и Новой Землей) (рис. 3).

С юга и юго-запада древняя родина ариев была отгорожена от остального мира высочайшей ледяной стеной. Из-за нее появлялось солнце и за нее оно пряталось. По крутому склону ледника стремительно спускался быстро теплеющий воздух. Бурное таяние льда происходило на протяжении всего года, рождало бесчисленное множество потоков талых вод. Круглый год там было не жарко и не холодно, осадков выпадало мало, облачность была незначительной. Год делился на полярный день и полярную ночь. На севере и северо-востоке к теплой стране подступило незамерзающее море. Обогреваемая феном прибрежная полоса не могла быть слишком широкой. Поэтому сравнительно недалеко от «блаженной обители» могли появляться плавучие льды. В описываемом районе происходило активное перемещение теплых и холодных вод, что могло сопровождаться помутнением воды и образованием туманов. Наконец, ледниковые потоки выносили в океан большое количество ледниковой мути, которая могла вызывать белесое помутнение океанических вод. Все это могло послужить причиной для появлений названий «Белый» или «Молочный» океан.

О растительности «страны блаженных», если основываться на древнеарийской традиции, судить очень трудно. В текстах, как говорилось выше, упоминаются рощи и леса, фруктовые деревья, золотистые луга и самые высокие и самые благоухающие растения. Привлекает внимание упоминание сомы — напиток бессмертия. В литературе высказывается не лишнее основание предположение, что сома «Ригведы» ничто иное, как мухомор [Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 92]. Мухомор, как известно, гриб лесов умеренного пояса. Как говорилось выше, палинологические данные Е.С. Малясовой указывают на то, что здесь могли быть распространены хвойно-широколиственные леса с элементами теплолюбивой флоры [Малясова, 1981].

В связи со сказанным возникает один недоуменный вопрос: могла ли вообще существовать привычная нам растительность (пихта, вяз, лещина и др.) в условиях постоянно теплой страны, в которой полярный день сменялся полярной ночью? Подобных природных условий в наше время на Земле нет. Ответ на него остается за гранью современных знаний.

О животном мире легендарной страны сведения богаче. На вершинах Хары и Меру постоянно прибывают птицы. «Стаями дивных птиц Священная гора сияла» («Махабхарата»). По рассказам античных авторов, на Рипейских горах «необозримые тучи» птиц. Уже говорилось о том, что в обители, созданной Йимой, «было много собак и птиц». И птицы, и собаки — несомненный атрибут субарктических стран. Упоминаются также антилопы. Как известно, в верхнем плейстоцене (т. е. во время последнего оледенения) в Северной, Средней и Восточной Европе в холодные интервалы времени водилась сайга. Могла она попасть и в теплую область, расположенную к северо-востоку от европейского покрова ледника. Представляют также интерес индийские рассказы о фантастическом звере шарабхе, который при ближайшем рассмотрении оказался обыкновенным лосем. Правда, остается не ясным, жил ли он в «стране блаженных».

Теперь наступило время подводить итог. Основная линия древнеарийской традиции — полярные явления, великие северные горы, Северный океан и загадочная страна на севере — получила удовлетворительное объяснение. Создается вполне определенное впечатление о том, что родиной древних ариев в действительности была Арктика (точнее Субарктика). В этом отношении выводы, к которым мы пришли, во многом совпадают с выводами Бала Гангабхара Тилака, о которых упоминалось в начале статьи. Однако у нас имеется одно принципиальное отличие от теории Тилака, считавшего, что предки индийцев обитали в арктических районах в доледниковый и межледниковый периоды, а затем, около десяти-восьми тысяч лет назад — этим временем Тилак датировал последнюю ледниковую эпоху — двинулись на юг из-за наступивших холодов. По этому поводу А. Горбовский пишет: «Книга Зенд-Авеста тоже повествует о царе тьмы, который наслал на благословенную родину ариев холода и морозы. Зенд-Авеста рассказывает, что арии были предупреждены о наступлении холодов: “На землю падут губительные зимы, они принесут с собой лютые морозы... они принесут снег на 14 пальцев глубиной... [1966. С. 76]”». Очевидно, о наступлении холодов в поэтической форме пишет Фирдоуси в «Шах-наме!»: (Цит. по: [Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 52]).

Но тщетно — исчез Кей-Хосров без следа...
Вдруг мраком покрылась небес синева,
И вихрь заревел с дикой яростью льва.
Снег пал пеленою, уж скрылись под ней
И копыта взнесенные богатырей.
Наружу пробиться пытались они,
Но тщетно под снегом металась они
Простершись недвижно, остались без сил,
И с милой душою их Бог разлучил

В отличие от Тилака мы пришли к заключению, что для существования «страны блаженных» благоприятные условия сложились не в межледниковое (или доледниковое), а в ледниковое время. Нам не известно, на чем основывался Тилак, когда писал, что арии двинулись на юг десять-восемь тысяч лет назад из-за наступивших холодов. Но вот что замечательно, именно десять-восемь тысяч лет назад происходил окончательный распад последнего Валдайского ледникового покрова. Исчезла ледяная защита «страны блаженных», прекратилось действие теплого фена, и в Баренцевой Субарктике неизбежно должно было начаться резкое похолодание.

В древнеарийской традиции, помимо уже изложенных основных мотивов, имеется большое количество мифологических деталей, с трудом поддающихся расшифровке или не поддающихся ей совсем. Конечно, было бы ошибкой думать, что все детали традиции имеют под собой реальную почву. Фантазия тут также могла играть выдающуюся роль. Например, трудно объяснить почему Меру считалась центром семи материков (или «островов» — «двип») [Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 65]. Правда ли, что горы Меру имеют семь вершин или «семь узлов»? [Там же]. Что подразумевается под «восьмьюстами лунно-белых коней»? [Там же. С. 5]. Кто такие апсары и почему их десять [Там же. С. 6]. Подобных вопросов можно поставить много.

Давайте попытаемся рассмотреть еще два сравнительно частых мотива — о «пламенеющих огнях», освещающих мрак [С. 55], и о замечательной птице Гаруде.

Агни, бог огня, прославляется в Ригведе как освещающий мрак [С. 64]. «Он (Агни) охраняет желанную вершину Рипы, место Птицы; он, бодрый, охраняет путь Солнца; он, Агни, охраняет в центре (буквально «на пупе») Семиглавого...» [С. 64]. В «Махабхарате» сказано: «Здесь постоянно блещет асура Агни, пожирая воды...» [С. 66]. Что же это за огни, пламенеющие в горах? Трудно предположить, чтобы горы, образованные льдом, были бы притом и вулканическими. Да и никаких признаков молодого вулканизма на крайнем севере Европы нет. Выше мы уже писали о том, что западный перенос, переваливая через покровный ледник, спускался и нагревался. Такое положение должно было вызвать интенсивное таяние льда в нижних частях ледового склона, обращенного на север. В связи с этим ледяной слой покрова должен был быть очень крутым. Холодный воздух стремительно скатывался с него с высоты в 2–3 км, испытывая быстрый нагрев. Здесь на память приходят так называемые огни Святого Эльма. Они наблюдаются в тех случаях, когда падение потенциала атмосферного электричества на единицу вертикального расстояния достигает весьма значительной величины. Их наибольшая повторяемость в горах и зимой. Заметим также, что воздух при некоторых особых условиях, например при нагревании, становится проводящим. Условия «падения» и нагревания воздуха на северной периферии ледяного покрова могли быть столь радикальны, что вполне возможно необычного масштаба достигало явление, получившее название огней Святого Эльма. Они светились на острых пиках ледяных «скал». Естественно, создавалось впечатление, что они «пожирают» воды, т. е. «плененные воды». В условиях полярной ночи «пламенеющие огни» могли создавать совершенно потрясающий эффект.

Самое интересное мифологическое существо — птица Гаруда. «Эпос рисует красочный облик Гаруду — “царя пернатых”: тело из золота, крылья ослепительно красного цвета, голова человеческая, но с клювом; Гаруда умел говорить по-человечьи, обладал силой магического слова и мог по желанию изменять свой облик. Гаруда был наделен такой великой мощью, что сотрясал горы, мог поднять в воздух огромного слона, подобно облаку накрыть громадной тенью землю» [С. 95]. В индийской мифологии эта птица называется Гаруда или Шьена, в Авесте — Саэна, в «Шах-намэ» — Симург. В античных источниках она трансформируется в грифов. Зороастрийские тексты причисляют Саэну к птицам, но описывают ее как имеющую зубы хищника и некоторые другие черты зверя [С. 97]. Грифы скифской традиции также представляют собой крылатого зверя с клювом.

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский проводят параллель между Гарудой и чудесной гигантской птицей уральской мифологии. Они считают, что образы Гаруды, Симурга и фантастической птицы в легендах хантов и манси в своей основе восходят к единому и очень древнему источнику. «Крылатым» или «Небесным Карсом» называется эта птица в легендах хантов и манси. Авторы приводят описание этой птицы, сделанное С. Паткановым, изучавшим в конце XIX в. фольклор зауральских хантов. Выглядит она так: «гигантской величины (птица) с человекоподобной головой и большим клювом; позади рук, снабженных длинными и острыми когтями, вырастают два мощных крыла» [С. 98–99]. Описание достаточно красочное. А что, если посмотреть учебник исторической геологии? Хоть не верь своим глазам — реконструкция летающего ящера птерозавра, появившегося в позднем мелу, как две капли воды сходна с «Небесным Карсом». Размах крыльев этого чудовища был 15–21 м. Похоже, что описание фантастической птицы «сделано с натуры». Но вся загвоздка в том, что птерозавр жил не 20 тысяч, а 60 миллионов лет назад. Хотите верьте, хотите не верьте...

На этом расстанемся с древнеарийской традицией. Похоже, что она совсем не традиция, а изложение вполне конкретных знаний. Теперь необходимо задаться вопросом: в чем же глубинный смысл всего сказанного?

Центральная идея работы заключается в стремлении показать, что так называемая индоевропейская традиция берет начало не в бронзовом веке около 4000 лет назад, а несравненно раньше — во всяком случае, во время последней ледниковой эпохи около 20000 лет назад. Возраст традиции «вырос» по меньшей мере в 5 раз и ушел в глубину каменного века. Перевернулась и география — вышли мы, оказываемся, из теплой арктической страны. Это меняет всю панораму событий предыстории. Все мы находимся в плену высушенных научных полуистин: был палеолит, потом неолит, безликие культуры — ориньяк, солютре, мадлен, азиль — сменяли друг друга, есть черепки, есть керамика, есть реконструкции, а вот истории человечества нет. Мы бойко рассуждаем о господствовавших тогда производительных силах и производственных отношениях. А вместо людей видим орды дикарей, одетых в шкуры зверей и размахивающих дубинками.

История человечества есть прежде всего история восхождения духа. Научный метод может познавать материальный мир, но пусть он знает свое место и не пытается внедриться в область духа — кроме конфуза ничего не получится. Познавая истину, дух человека излагает ее в форме высоко поэтических священных гимнов — в виде «пламенеющих огней» и «златокудрого солнца». И эта познанная духом истина несет в себе зародыш истины научной. Именно такова суть вдохновенной индоевропейской традиции.

И, наконец, последнее. Надо ли в наше сложное время копаться в древностях? Ответим словами еще не нашедшей должной оценки, но уже ушедшего от нас очень талантливого поэта Игоря Нерцева [1974]:

И чтоб не стать рабом тому,
Кто злобен да умен,—
Необходимо самому
Постигнуть связь времен

ЛИТЕРАТУРА

- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1974.
Горбовский А. Загадки древнейшей истории. М., 1966.
Данилов И. Д. Гипотеза позднеплейстоценового Арктического ледникового щита. В кн.: Основные проблемы палеогеографии позднего кайнозоя Арктики. Л., 1983.
Имбри Д., Имбри К. П. Тайны ледниковых эпох. М.: Прогресс, 1988.
Калесник С. В. Основы общего земледования. М., 1955.
Максимов Е. В. Проблемы оледенения Земли и ритмы в природе. Л.: Наука, 1972.
Малясова Е. С. Значение спорово-пыльцевого анализа в изучении донных осадков Баренцева моря Палинология плейстоцена и голоцена. Л., 1981.
Нерцев И. Дневной свет. Л., 1974.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1890. Т. 3.

Санкт-Петербург, ЛГУ

The article is based on the author's publication in the early 1990s on possible existence of the anomalously warm area on the shelf of the Barents Sea during the period of the latest glacial maximum. That purely geographical idea was stringed with the facts described in the given article. The author realizes a hypothetical nature of his constructions in the historical aspect, presenting this paper not as infallible truth, but as a curious hypothesis emerged from the isolated specific evidences taken together.

Имя Максимова Евгения Владиславовича, которому исполнилось бы в 2005 году 75 лет со дня рождения, широко известно в нашей стране работами в области гляциологии, палеогеографии, геоморфологии, исторической лимнологии, космологии и природной ритмики. Талантливый педагог и исследователь, проводивший экспедиционные работы во многих горных районах Евразии, среди которых Карпаты, Кавказ, горы Средней Азии, плато Путорана, Курильские острова и полуостров Камчатка, горы Полярного Урала, Сунтар-Хаята, Алтая, Саян и Тувы, Кодара и другие труднодоступные места, он снискал уважение среди многочисленных учеников и последователей в разных областях географии, биологии и геологии. Оригинальный взгляд на решение многих научных проблем ставит его в ряд наиболее ярких и самобытных ученых современности.

Список его научных публикаций, начавших выходить еще в 1958 г., насчитывает более двухсот наименований. Среди них такие широко известные монографии, как «Проблемы оледенения Земли и ритмы в природе» [1972], «Ритмы на Земле и в Космосе» [1995] и др. В программных статьях им предложена новая хронологическая схема голоцена, новый вариант структуры 1850-летнего ритма, показана роль внутривекового и векового ритма в географической оболочке, выявлено значение полюсного прилива в палеогеографии плейстоцена, предложена новая модель образования Солнечной системы и дано решение многих других кардинальных вопросов естествознания. Часть работ публикуется уже после его преждевременного ухода из жизни. Все его научные статьи и монографии отличаются одной характерной особенностью — за текстом легко узнается автор. Узнается, так как легко проследить ход его мыслей и проверить самому логику его построений. Для его научных работ свойственно скрупулезное представление всех фактов и материалов, положенных в основу идей публикаций.

Данную статью скорее можно отнести к научно-популярной и, полагаем, найдется не мало критиков, не согласных с выводами автора, но это еще одна характерная черта Е. В. Максимова — он не боялся высказывать смелые идеи. В основе представленной статьи лежит вышедшая в начале девяностых публикация автора о возможном существовании аномально теплой области на шельфе Баренцева моря в период последнего ледникового максимума. На эту чисто географическую идею и нанизались факты, изложенные в представленной статье. Автор понимает гипотетичность своих построений в части исторической и представляет работу не как непоколебимую истину, а как интересную гипотезу, выросшую из вполне конкретных разрозненных фактов, собранных воедино.

Арктический и Антарктический НИИ,
М. А. Анисимов
Санкт-Петербург
С. И. Ларин
Тюмень, ТюмГУ